

Кобельков Руслан Александрович

**Особенности противостояния внешней политики России и Сербии
русофобии и сербофобии в период с 1991 по 2022 гг.**

Специальность 5.6.7. История международных отношений и
внешней политики

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Москва, 2025

Работа выполнена на кафедре международных отношений и внешней политики
ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России»

Научный руководитель: **Воробьев Сергей Владимирович**, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и внешней политики ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России»

Официальные оппоненты: **Гуськова Елена Юрьевна**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН

Тушков Александр Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и государственного управления Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владивостокский государственный университет»

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «**Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации**».

Защита состоится «___» _____ 2025 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета 05.2.001.02 в ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации» по адресу: 119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1. С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации» по адресу: 119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1 и на сайте www.dipacademy.ru

Автореферат разослан «___» _____ 2025 г.

**Ученый секретарь диссертационного
совета, к.и.н., доцент**

Епифанова Т.В.

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы диссертационного исследования определена ростом значения идеологических и информационных инструментов во внешней политике государств в условиях нарастающей международной конфронтации. В современной политической среде русофобия и сербофобия выступают системными формами идеологического давления, направленного на подрыв международного авторитета России и Сербии, ограничение их субъектности и разрыв исторических связей.

Эти явления, укоренённые в западной политико-культурной традиции, приобрели институциональный характер, проявляясь в медийных и дипломатических практиках. При этом их сравнительное изучение в контексте внешней политики остаётся недостаточно разработанным, что затрудняет выработку эффективных подходов к их нейтрализации.

Необходимость исследования обусловлена потребностью в научном осмыслении исторической эволюции и современных механизмов воспроизводства русофобии и сербофобии, их роли в формировании образа врага и легитимации внешнеполитических стратегий Запада. Анализ этих процессов позволяет выявить закономерности идеологического давления и определить направления противодействия ему.

Таким образом, актуальность исследования определяется потребностью в системном изучении русофобии и сербофобии как инструментов внешнеполитической борьбы и в разработке теоретических и практических рекомендаций, направленных на укрепление позиций России и Сербии в условиях глобальной трансформации международных отношений.

Объект диссертационного исследования – внешнеполитическая деятельность Российской Федерации и Республики Сербия, направленная на противодействие русофобии и сербофобии как формам идеологической и информационной агрессии. **Предметом** – эволюция стратегий и механизмов, применяемых Москвой и Белградом в борьбе с проявлениями русофобии и сербофобии в историческом и современном международном контексте, включая их институциональные, дискурсивные и внешнеполитические формы.

Хронологические рамки – охватывают период с 1991 по 2022 год. Отправной точкой анализа выбран 1991 год как рубеж, ознаменовавший собой окончание эпохи биполярности и переход к однополюсной архитектуре международных отношений, вызвавший масштабные политические и институциональные преобразования в глобальной системе. Именно в этот период формируются новые ориентиры внешней политики как Российской Федерации, так

и Сербии, на фоне распада прежних союзов и обострения информационно-политической конфронтации.

Верхняя граница исследования — 2022 год — обусловлена резким обострением международной обстановки и переходом к этапу нарастающей нестабильности в глобальной политике. Этот год стал поворотным моментом, когда прежняя модель международной коммуникации оказалась под вопросом, а конфронтационные установки усилились как на уровне риторики, так и в практических действиях государств. Таким образом, обозначенный временной интервал позволяет зафиксировать ключевые тенденции противодействия русофобии и сербофобии в рамках внешнеполитического дискурса и практики в условиях меняющейся конфигурации мировой системы.

Источниковая база исследования состоит из нескольких групп:

1. Архивные документы из АВП РФ, ГА РФ, РГИА, РГАНИ, ЦА ФСБ РФ, Архива СВР России, Архива Югославии, а также Архива Президентского центра Б. Н. Ельцина. Дипломатическая переписка, шифротелеграммы, информационные письма, стенограммы переговоров, отчёты советских и российских миссий за рубежом, документы югославских фондов позволили реконструировать практику внешнеполитического взаимодействия, выявить механизмы формирования русофобских и сербофобских нарративов, а также зафиксировать позицию России и Сербии в ключевые кризисные периоды.

2. Международные договоры и соглашения¹ позволили оценить институциональные рамки и юридические основания взаимодействия государств.

3. Официальные документы Российской Федерации и Республики Сербия² подтвердили восприятие русофобии и сербофобии как факторов, учитываемых при разработке стратегических документов и определении внешнеполитического курса.

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Сербии о сотрудничестве в области чрезвычайного гуманитарного реагирования, предупреждения стихийных бедствий и техногенных аварий и ликвидации их последствий от 20.10.2009 [Электронный ресурс]. — URL: [https://serbia.mid.ru/Файлы%20для%20заполнения%20контента/Контент%20файлы%20сайта%20Посольство%20в%20Сербии%20\(ei\)/docs/2009_gumReag.pdf](https://serbia.mid.ru/Файлы%20для%20заполнения%20контента/Контент%20файлы%20сайта%20Посольство%20в%20Сербии%20(ei)/docs/2009_gumReag.pdf) (дата обращения: 22.02.2025); Россия и Сербия подписали допсоглашение на реконструкцию железнодорожных путей в Сербии 31.10.2019 [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/politika/7065472> (дата обращения: 08.03.2025); Postignut sporazum o proizvodnji ruske vaccine Sputnik V u Srbiji 25.03.2021 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.aa.com.tr/ba/korona-virus/postignut-sporazum-o-proizvodnji-ruske-vaccine-sputnik-v-u-srbiji/2188211> (дата обращения: 22.02.2025).

² Концепция внешней политики Российской Федерации от 12.02.2013 [Электронный ресурс] // Президент России. — <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf> (дата обращения: 11.04.2025); Концепция внешней политики Российской Федерации от 15.07.2008 [Электронный ресурс] // Президент России. — <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 14.03.2025); Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена 12 февраля 2013 г. № Пр-251 // Kremlin.ru. Официальная публикация текста на kremlin.ru не представлена; факт утверждения подтверждён в Указе Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации», где говорится об утрате силы Концепции 2013 г. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 09.11.2022); Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена 28 июня 2000 г. // Kremlin.ru. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/by-date/03.07.2000> (дата обращения: 09.11.2022). Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена 30 ноября 2016 г. № 640 // Kremlin.ru. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/41451>; PDF: <https://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf> (дата обращения: 09.11.2022); Концепция

3. Тексты выступлений и официальные заявления государственных деятелей³ дали возможность выявить дискурсивное оформление русофобских и сербофобских мотивов и проследить реакцию России и Сербии на давление со стороны западных стран.

4. Проанализированы доклады международных организаций и НПО⁴, отражающие внешнеполитические установки и информационные кампании, направленные на дискредитацию России и Сербии.

5. Важным источником послужили материалы СМИ и их аналитика: использованы как публикации современных западных и российских медиа, так и исследования, посвящённые медийному образу России и Сербии в международном контексте.

Степень научной разработанности темы исследования. Анализ научной литературы, затрагивающей ключевые аспекты русофобии и сербофобии в контексте международных отношений и внешнеполитических стратегий, позволяет сформировать следующие группы по характеру их научной направленности.

Первая группа: общетеоретические и прикладные отечественные исследования русофобии и сербофобии, выполненные в рамках философского,

внешней политики Российской Федерации. Утверждена 31 марта 2023 г. № 229 // Kremlin.ru. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/49090>; Новости: <https://kremlin.ru/events/president/news/70811>; PDF: <https://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAycLXOGGAgmVHQDIoFCN2Ae.pdf> (дата обращения: 09.11.2022); Резолюция Народной скупшине Републике Србије о заштите суверенитета, територијалног интегритета и уставног поретка Републике Србије: «Службени гласник РС», број 125 од 26. децембра 2007. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravno-informacioni-sistem.rs/SlGlasnikPortal/eli/rep/sgrs/skupstina/rezolucija/2007/125/1/reg> (дата обращения: 10.09.2024).

³ Обращение Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России. — <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603>. (дата обращения: 01.05.2025); Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности [Электронный ресурс] // Президент России. — <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 01.05.2025); Послание Федеральному Собранию Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России. — <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>. (дата обращения: 14.03.2025); 55. Совместная пресс-конференция с Президентом Соединенных Штатов Америки Джорджем Бушем [Электронный ресурс] // Президент России. — <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21397> (дата обращения: 14.03.2025); Vučić Putin-u: Trudićemo se da ostanemo jedina zemlja u Evropi koja vam nije uvela sankcije [Электронный ресурс]. 02.09.2025. URL: <https://www.vijesti.me/svijet/balkan/773148/vucic-putinu-trudicemo-se-da-ostanemo-jedina-zemlja-u-evropi-koja-vam-nije-uvela-sankcije> (дата обращения: 02.09.2025). Backing Request by Serbia, Генеральная Ассамблея ООН, 8 октября 2008 г. / Press release. — New York: United Nations, 2008. — URL: <https://press.un.org/en/2008/ga10764.doc.htm> (дата обращения: 12.04.2025).

⁴ Amnesty International. Croatia: Impunity for killings of Serbs and lack of justice for war crimes. — London: Amnesty International, 1998. — (EUR 64/04/98). — URL: <https://www.amnesty.org/en/wp-content/uploads/2021/06/eur640041998en.pdf> (дата обращения: 09.03.2024); OSCE Mission in Kosovo. Human Rights in Kosovo: As Seen, As Told. Volume II, 14 June – 31 October 1999. — Pristina: OSCE, 05.11.1999. — URL: <https://www.osce.org/kosovo/17781> (дата обращения: 04.09.2023); Human Rights Watch. Impunity for Abuses Committed during “Operation Storm” and the Denial of the Right of Refugees to Return to the Krajina. — New York: HRW, 01.08.1996. — URL: <https://www.hrw.org/report/1996/08/01/impunity-abuses-committed-during-operation-storm-and-denial-right-refugees-return>. (дата обращения: 09.03.2024); 71. European Parliament resolution of 29 November 2018 on the 2018 Commission Report on Serbia (2018/2145(INI)) (P8_TA(2018)0478) [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0478_EN.html (дата обращения: 01.07.2025); European Parliament resolution of 6 July 2022 on the 2021 Commission Report on Serbia (2021/2246(INI)) (P9_TA(2022)0284) [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0284_EN.html (дата обращения: 01.06.2025); NATO StratCom [Электронный ресурс] // NATO Strategic Communications Centre of Excellence. — <https://stratcomcoe.org> (дата обращения: 04.09.2023).

культурологического, политологического и международно-политического анализа. Работы данной группы затрагивают ключевые аспекты формирования негативных образов России и Сербии в международном дискурсе, механизмы информационного воздействия, а также концептуальные основания фобий как элементов внешнеполитического давления.

Значительный вклад в исследование русофобии как элемента идеологического и цивилизационного конфликта внесли такие отечественные учёные, как А.П. Цыганков, С. Марков, Н.А. Нарочницкая, С.М. Сергеев, П.И. Пашковский и др. Представленный корпус работ объединён общей темой — интерпретацией русофобии и сербофобии как устойчивых политико-культурных конструкций, воздействующих как на уровень межгосударственного взаимодействия, так и на общественное сознание.

Работы А.П. Цыганкова⁵ содержат системный анализ стратегических представлений о России в западной политической мысли и позволяют рассматривать русофобию как институционализированную часть идеологической матрицы внешней политики США и ЕС. Его подход отличается глубиной концептуального уровня и связью с международно-политическими теориями идентичности.

В трудах Н.А. Нарочницкой⁶ русофобия и сербофобия рассматриваются сквозь призму историко-цивилизационного противостояния между славянским и западным миром. Автор последовательно прослеживает трансформацию образа России как «иног» в европейской мысли, а также анализирует югославский кризис как пример антиславянской политики.

Особое место занимает работа С.М. Сергеева, в которой представлена ценностная и понятийная типология русофобии⁷. Автор предлагает разграничение между критикой внешней политики России и политизированной идеологической фобией. Его исследование содержит значительный методологический потенциал, однако требует уточнения применительно к конкретным внешнеполитическим кейсам.

П.И. Пашковский анализирует антироссийскую и антисербскую информационную повестку как элементы стратегической коммуникации, раскрывая сходства между инструментами демонизации, применяемыми в отношении Москвы и Белграда⁸. Ценность его подхода состоит в попытке сформировать обобщённую схему действий западных акторов в отношении

⁵ Tsygankov, A. Russophobia / A. Tsygankov. – New York: Macmillan, 2009. – 257 p.

⁶ Нарочницкая, Н.А. Россия и Сербия в эпоху перемен. III. Сербь и русские в социальных экспериментах и геополитических катаклизмах XX столетия / Н. А. Нарочницкая // Перспективы. Электронный журнал. – 2023. – № 1. – С. 7-20.

⁷ Сергеев, С. М. Как возможна русская русофобия? / С. М. Сергеев // Вопросы национализма. – 2013. – Т. 1. – № 13. – С. 66-85.

⁸ Пашковский, П. И. Русофобия как компонент современного геополитического противоборства: глобальное и региональное измерения / П. И. Пашковский // Регионология. – 2025. – № 1. – С. 33-47.

славянских государств. В то же время отдельные положения его работ нуждаются в эмпирическом подкреплении.

Значительный вклад в разработку проблематики русофобии и сербофобии внесли отечественные исследователи-балканисты. Особое место занимают труды Е. Ю. Гуськовой⁹, в которых анализируется правовая и политическая специфика балканских конфликтов и роль международного сообщества в институционализации дискриминационных нарративов. В её работах освещаются международно-правовые аспекты агрессии НАТО против Югославии, причины распада СФРЮ, религиозный фактор балканского кризиса, а также роль России в миротворческих инициативах конца XX – начала XXI вв. Кроме того, исследователь обращает внимание на процессы ревизии истории и формирование устойчивого образа «сербской вины» в международной среде.

Важное значение имеют работы Е. Г. Пономарёвой¹⁰, посвящённые международно-правовым, военно-стратегическим и геополитическим последствиям агрессии НАТО против Югославии, многовекторной политике Сербии, а также противоречию между экономической прагматикой и внешнеполитическим давлением. Автор также рассматривает влияние внешних акторов на Западные Балканы, институциональные механизмы НАТО в регионе, вопросы турецкого присутствия и расширения евроатлантических структур. Суммарно данные исследования формируют значимую научную базу, позволяющую комплексно рассматривать механизмы идеологического давления и стратегии внешнеполитического реагирования России и Сербии.

Значимый вклад в исследование проблематики сербофобии внесли сербские историки и политологи. М.Экмечич в работе «Сербофобия и антисемитизм» впервые систематизировал феномен сербофобии, показав его как долговременную идеологическую конструкцию, укоренённую в европейской истории¹¹. Современные авторы — Д. Петрович, С.Старчевич, Д.Вукасович — раскрывают

⁹ Гуськова Е. Ю. Агрессия НАТО 1999 года против Югославии и процесс мирного урегулирования. — М.: Индрик, 2013. — 432 с.; Гуськова Е. Ю. Распадающаяся Югославия: можно ли было избежать войн? // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. — 2011. — № 2. — С. 33–47.; Гуськова Е. Ю. Религиозный фактор в современном балканском кризисе // Религия и политика. — 2015. — № 1. — С. 77–90.; Гуськова Е. Ю. Балканский опыт миротворчества в современных условиях // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 2(29). — С. 52–60.; Гуськова Е. Ю. Ревизия истории: сербы виноваты во всех войнах // Россия и современный мир. — 2017. — № 4. — С. 101–118.

¹⁰ Пономарёва Е. Г., Фролов А. В. Агрессия НАТО против Югославии: международно-правовые, военно-стратегические и геополитические последствия // Вестник МГИМО-Университета. — 2019. — № 6(69). — С. 45–61.; Пономарёва Е. Г., Младенович М. Сербия: многовекторность как выход из тупика стратегической уязвимости // Сравнительная политика. — 2020. — Т. 11. — № 2. — С. 32–45.; Пономарёва Е. Г. Сербия в современном мире: экономика vs политика // Международные процессы. — 2021. — Т. 19. — № 1. — С. 15–28.; Пономарёва Е. Г., Арляпова Е. С. Западные Балканы: тренды влияния внешних интересантов // Сравнительная политика. — 2023. — Т. 14. — № 3. — С. 110–125; Арляпова Е. С., Пономарёва Е. Г., Пророкович Д. Возможности НАТО в глобальном управлении: место действия — Балканы // Вестник международных исследований. — 2022. — № 2. — С. 77–93; Пономарёва Е. Г., Арляпова Е. С. Турецкое присутствие на Балканах: методы, ресурсы, масштабы // Проблемы национальной стратегии. — 2021. — № 2(65). — С. 143–159; Пономарёва Е. Г. НАТО–Югославия: перспективы расширения альянса на Балканах // Вестник МГИМО-Университета. — 2004. — № 1. — С. 23–38;

¹¹ Екмечич М. Сербофобия и антисемитизм. — Белград: Службени лист СРЈ, 2002. — 356 с.

влияние евроатлантической интеграции и военной нейтральности на формирование сербской внешней политики¹². Значительное внимание уделяется и вопросам культурной дипломатии: работы А.Колаковича и Л.Рога-Миятович рассматривают её как механизм защиты национальной идентичности в условиях идеологического давления¹³. Таким образом, сербская историография дополняет российскую и западную, формируя комплексное представление о сербофобии и её роли в международных отношениях

Несмотря на теоретическую насыщенность и многоаспектность приведённых исследований, подавляющее большинство из них сосредоточено либо на феномене русофобии, либо на сербофобии в изоляции. Практически отсутствует их комплексный сравнительный анализ в рамках единой научной концепции. Настоящее исследование, опираясь на вышеуказанные подходы, стремится восполнить данный научный пробел, сопоставив два родственных явления в контексте их внешнеполитической инструментализации и историко-идеологической общности.

Вторая группа охватывает труды зарубежных исследователей, в которых анализируются исторические, культурные и политические основания негативного образа России и Сербии в международной среде. Эти источники можно разделить на два тематических направления: первое включает работы, посвящённые концептуализации русофобии как устойчивого явления в западной интеллектуальной традиции; второе — исследования, раскрывающие характер восприятия Сербии в европейской политике, а также особенности информационного сопровождения конфликтов на Балканах.

В рамках первого направления значительный интерес представляет монография швейцарского журналиста и публициста Г. Меттана «Запад — Россия. Тысячелетняя война»¹⁴. В этой работе автор прослеживает эволюцию антироссийских представлений, начиная с эпохи Карла Великого и заканчивая украинским кризисом. Русофобия у Меттана представлена как системно воспроизводимая идеологическая конструкция, используемая в рамках геополитического соперничества. Особое внимание уделяется анализу культурных

¹² Петровић Д. Стубови спољне политике Србије – ЕУ, Русија, САД и регион // Зборник радова Дипломатске академије. Београд, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://repozitorijum.diplomacy.bg.ac.rs/877/1/Stubovi%20spoljne%20politike%20Srbije.....pdf>. (дата обращения: 01.05.2023); Петровић Д. Стубови спољне политике Србије – ЕУ, Русија, САД и регион // Зборник радова Дипломатске академије. Београд, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://repozitorijum.diplomacy.bg.ac.rs/877/1/Stubovi%20spoljne%20politike%20Srbije.....pdf> (дата обращения: 01.05.2023); Вукасовић Д. Војна неутралност Србије у контексту евроатлантских интеграција // Зборник радова: Србија и Евроазијски савез. Београд, 2016. С. 173–188. [Электронный ресурс]. URL: <https://repozitorijumips.rs/844/1/SRBIJA%20I%20EVROAZIJSKI%20SAVEZ%20pdf%20konacno-173-188.pdf> (дата обращения: 01.05.2023); Старчевић С. Оправданост војне неутралности Републике Србије у светлу руско-украјинског сукоба // Војно дело. 2023. № 4. С. 327–345. [Электронный ресурс]. URL: <https://scindeks-clanci.ceon.rs/data/pdf/0354-5989/2023/0354-59892304327K.pdf> (дата обращения: 01.05.2023).

¹³ Рогач-Миятович Љ. Kulturna diplomatija i identitet Srbije. Београд, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://scindeks.ceon.rs/article.aspx?artid=0023-51642173175K>. (дата обращения: 01.05.2023).

¹⁴ Меттан, Г. Запад-Россия. Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса / Г. Меттан. – Москва: АСТ, 2023. – 448 с.

штампов и медийных механизмов, через которые образ России как «угрозы цивилизации» внедрялся в общественное сознание западных стран. Эта концепция дополняется работой Дж. Глисона *The Genesis of Russophobia in Great Britain*¹⁵, в которой рассматривается формирование негативного образа России в британской публицистике и политике XIX века. Автор документально подтверждает, что русофобские нарративы стали частью внешнеполитической стратегии ещё задолго до идеологических конфликтов XX века. Несмотря на более раннюю дату публикации, исследование Глисона сохраняет актуальность благодаря глубокому источниковедческому анализу британской прессы, парламентских дебатов и дипломатических документов.

Второе направление представлено исследованиями, посвящёнными Сербии как объекту идеологического и информационного давления в XX–XXI веках. Особое значение в этом контексте имеет книга Э. Хермана *The Srebrenica Massacre: Evidence, Context, Politics*¹⁶. В ней автор предлагает критический взгляд на освещение трагических событий в Сребренице, указывая на роль международных СМИ и правозащитных организаций в формировании одностороннего восприятия сербской стороны. Херман подчёркивает, что подобные подходы часто сопровождаются игнорированием комплексного контекста и использовались для оправдания внешнего вмешательства. Важным дополнением к этой позиции служат труды М. Экмечича и Л. Марковича¹⁷, где последовательно раскрывается процесс политической изоляции Сербии и подмена объективной оценки исторических процессов политически мотивированной интерпретацией.

Большое значение для понимания опасности ревизионистских нарративов и того, какую опасность представляет переписывание истории представляет работа М. Белаяца¹⁸. Труд М. Белаяца представляет собой значимый вклад в методологическую дискуссию о роли Сербии и России в событиях 1914 года. Автор скрупулёзно анализирует тенденции исторического ревизионизма, стремящиеся переложить основную вину за развязывание Первой мировой войны на Сербию и Россию. Данное исследование важно для понимания исторических корней современной русофобской риторики и образа Сербии как «виновницы» мирового конфликта. Механизм воспроизводства ксенофобских установок опирается на устойчивую когнитивно-пропагандистскую схему: приписывание определённому народу исключительной вины за конкретный военный конфликт и закрепление этого образа в массовом сознании создаёт предпосылки для

¹⁵ Gleason, J. *The genesis of Russophobia in Great Britain* / J. Gleason. – London: Geoffrey Cumberlege, 1950. – 328 p.

¹⁶ Herman, E. S. *The Srebrenica Massacre: Evidence, Context, Politics* / E. S. Herman. – Evergreen Park: Alphabet Soup, 2011. – 301 p.

¹⁷ Экмечич, М. «История сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала» / М. Экмечич. – Москва: Абрикобукс, 2023. – 263 с. 124; Marković, L. *La Serbie et l'Europe, 1914-1918* / L. Marković. – Paris: Georg & Company, 1919. – 334 p.

¹⁸ Белаяц, М. Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны / М. Белаяц; пер. с серб. А. А. Силкина; предисл. А. Л. Шемякина. — Москва: ТД «Алгоритм», 2015. — 368 с.

повторного использования аналогичной интерпретации в последующих кризисных ситуациях, выступая инструментом легитимации политических и военных действий. М.Белаяц утверждает, что западная историография XX века зачастую переносит негативные оценки Сербии и России из контекста начала XX столетия в современную политическую риторику, формируя «историю вины», используемую в целях легитимации внешнеполитического давления. Таким образом, ревизионистские нарративы служат инструментом формирования отрицательного имиджа, что напрямую соотносится с рассматриваемым в диссертации феноменом сербофобии и русофобии.

Кроме того, полезный контекст для осмысления философских оснований европейского политического мышления в отношении «Другого» дают классические труды Ш.Монтескьё и Ж.Руссо, неоднократно переосмысляемые в современных западных внешнеполитических доктринах¹⁹. Эти авторы рассматриваются не как прямые исследователи русофобии или сербофобии, а как создатели базовых представлений о государстве, суверенитете и гражданской идентичности, нередко противопоставляемых «восточному» типу политической культуры.

Таким образом, зарубежные авторы, представленные в данной группе, дали основание утверждать, что русофобия и сербофобия обладают глубокой интеллектуальной и политической укоренённостью в западной традиции. Их изучение позволило лучше понять, как формируются устойчивые идеологемы, определяющие логику международного позиционирования России и Сербии в различные исторические периоды.

Отдельного внимания заслуживает корпус научных трудов, отражающий ключевые направления отечественного академического анализа в сфере международных отношений. Значительный вклад в развитие теоретических и прикладных основ изучаемой проблематики внесли такие исследователи, как Т.В. Каширина, С.В. Воробьев, Т.А. Закаурцева, Т.В. Елифанова, В.В. Бруз, В.А. Дяттерев, Т.В. Зверева, О.Г. Карпович, К.П. Курылев, О.В. Матвеев, Д.С. Миргородский, М.А. Неймарк, А.А. Орлов, Е.Н. Пашенцев, В.В. Штоль, А.Ю. Рудницкий и др.

Работы этих авторов посвящены как теоретико-методологическим, так и прикладным аспектам анализа международных процессов, включая вопросы стратегической стабильности, внешнеполитического планирования, эволюции мировых политических концептов, а также историко-идеологических трансформаций, оказывающих влияние на взаимодействие государств в условиях международного конфликта.

¹⁹ Монтескьё, Ш. О духе законов / Ш. Монтескьё. – М.: Азбука-Аттикус, 2023. – 800 с.

Руссо, Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права / Ж.-Ж. Руссо. – М.: Кучково поле, 1998. – 416 с.

Так, в публикациях Т.В. Кашириной и О.Г. Карповича освещаются проблемы стратегической уязвимости в контексте российско-американских отношений, в то время как исследования В.В. Бруза и Е.Н. Пашенцева затрагивают вопросы влияния мягкой силы и информационных механизмов в современной политике²⁰. В свою очередь, труды С.В. Воробьева и Т.А. Закаурцевой позволяют глубже понять внешнеполитическую динамику Великобритании и стран СНГ соответственно, в том числе с учётом эволюции идеологических установок²¹.

Изучение обозначенных исследований оказало важное влияние на формирование авторской концепции, позволив глубже осмыслить понятийный аппарат, исследовательские подходы и региональные особенности проявления русофобии и сербофобии в современных международных отношениях.

Следует отметить, что совокупность работ этой группы формирует не только важный научный фундамент, но и отражает современные отечественные аналитические подходы к оценке трансформаций глобального порядка и места России и её союзников в этой системе координат.

Цель исследования состоит в выявлении исторических корней, основных форм проявления и механизмов институционализации русофобии и сербофобии, а также в определении стратегий внешнеполитического и культурно-гуманитарного противодействия им в рамках российско-сербских отношений.

Для достижения указанной цели формулируются следующие **задачи**:

1. Проанализировать историческое формирование феномена русофобии в международных отношениях и его эволюцию как инструмента геополитической борьбы.
2. Исследовать генезис сербофобии в контексте внешнеполитических интересов ведущих мировых и региональных акторов, включая роль Запада в формировании негативного образа Сербии.
3. Выявить общие черты и различия между русофобией и сербофобией как формами цивилизационного и политико-информационного противостояния.
4. Оценить современные проявления русофобии и сербофобии в СМИ, международной дипломатии и культурной политике.
5. Исследовать официальные стратегии и инициативы России и Сербии по защите своих национальных интересов, идентичности и репутации на международной арене;

²⁰ Пашенцев, Е. Н. Провокация как элемент стратегической коммуникации США: опыт Украины / Е. Н. Пашенцев // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – № 44. – С. 149-175; Бруз, В. В. Организация Варшавского Договора и чехословацкие события 1968 года: историографический аспект / В. В. Бруз // Военно-исторический журнал. – 2008. – № 8. – С. 21-22; Карпович, О. Г. Евразийский экономический союз в контексте новых глобальных изменений / О. Г. Карпович, В. Б. Мантусов. – М.: Российская таможенная академия, 2018. – 144 с.; Каширина, Т. В. Проблема сокращения стратегических вооружений в контексте современных российско-американских отношений / Т. В. Каширина // Гуманитарные и юридические исследования. – 2023. – Т. 10. – № 3. – С. 390-397.

²¹ Закаурцева, Т. А. Международные организации и их роль в урегулировании конфликтов / Т. А. Закаурцева, Т. В. Каширина. – М.: Дашков и К, 2022. – 206 с.

6. Сформулировать практические рекомендации по укреплению российско-сербского сотрудничества в сфере гуманитарной политики, информационной безопасности и внешней культурной дипломатии в контексте борьбы с ксенофобскими проявлениями.

Методологическая основа. Исследование основано на междисциплинарном методологическом подходе, сочетающем принципы истории международных отношений, политологии, культурологии и философии. Основу анализа составил историко-генетический метод, позволивший выявить истоки формирования русофобии и сербофобии как идеологических явлений и проследить их эволюцию на разных этапах истории. Для выявления общих черт и отличий данных феноменов применён сравнительный анализ. Цивилизационный подход, опирающийся на концепцию культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, позволил рассматривать русофобию и сербофобию как часть более широкого конфликта между православно-славянской и западной цивилизациями. Системный подход использовался для понимания этих явлений в качестве элементов комплексной стратегии давления на Россию и Сербию в рамках международных процессов. Особое внимание уделено дискурс-анализу: изучались ключевые идеологемы и нарративы, отражённые в публицистике, дипломатической риторике, академических трудах и современных СМИ, которые формируют устойчивый негативный образ России и Сербии. Кроме того, применялся метод кейс-стади, позволивший детально разобрать конкретные исторические ситуации (Крымская война, югославский кризис, конфликт в Косово, антироссийские санкционные кампании после 2014 и 2022 годов). На теоретическом уровне исследование опирается на идеи теории национальных интересов (Г. Моргентау, А. Цыганков), концепцию «образа врага» (Х. Хофбауэр, У. Липпман), а также труды представителей русской религиозно-философской мысли (Ф. М. Достоевский, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин), которые дали глубокую оценку феномену русофобии и проблеме внутреннего национального самосознания.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

Автором проведен сопоставительный анализ русофобии и сербофобии как взаимосвязанных форм идеологического противостояния, имеющих общие цивилизационные, геополитические и культурно-религиозные основания. Русофобия и сербофобия рассмотрены не только как проявления ксенофобии, но и как институционализированные внешнеполитические стратегии, целенаправленно используемые западными государствами и международными структурами для формирования образа «врага», делегитимизации внешнеполитических позиций России и Сербии и ограничения их международной субъектности. В отличие от имеющихся политологических и публицистических интерпретаций, в настоящем исследовании данные явления рассмотрены сквозь призму исторической науки, опираясь на широкую источниковую базу: дипломатические документы, материалы международных организаций и архивные фонды.

На основе историко-политологического подхода автором проведён комплексный анализ эволюции русофобии и сербофобии с раннего Нового времени до начала XXI века, с акцентом на постсоветский и постюгославский периоды (1991–2022 гг.). Выявлены ключевые элементы политико-информационного давления, реализуемого через западные СМИ, культурные нарративы и дипломатические платформы. Впервые предложена типология форм проявления русофобии и сербофобии в международных отношениях, основанная на сопоставлении исторических кейсов (Крымская война, Балканские кризисы, распад СФРЮ, события 2014 и 2022 гг.), а также дана классификация механизмов их институционализации в дипломатии, праве и медийном пространстве, систематизированы основные научные и публицистические подходы к их интерпретации. Обоснована структурная близость русофобии и сербофобии, проявляющаяся в схожих идеологических установках, исторической логике и целях их применения в международной политике.

Исследование формирует концепцию русофобии и сербофобии как элементов долгосрочной стратегии идеологического давления Запада на Россию и Сербию. В рамках исторической науки это позволило объяснить воспроизводимость данных феноменов на протяжении нескольких столетий и выявить их роль в легитимации внешнеполитических решений, направленных на ослабление позиций Москвы и Белграда.

Тем самым работа восполнила существующий историографический пробел и внесла вклад в развитие историко-теоретических подходов к изучению ксенофобии в международных отношениях, расширив предметное поле истории внешней политики и истории международных отношений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Русофобия и сербофобия являются системными и устойчивыми явлениями, сформировавшимися на протяжении столетий под воздействием религиозных, цивилизационных и геополитических факторов, и выступают важными элементами идеологического противостояния Запада с Россией и Сербией;
2. Современные проявления русофобии и сербофобии являются не спонтанными актами ксенофобии, а частью целенаправленных стратегий давления, включающих информационные, дипломатические и культурные инструменты, направленные на подрыв международного имиджа России и Сербии;
3. Историческая преемственность и содержательная взаимосвязь русофобии и сербофобии проявляется как в логике формирования образа «врага», так и в сходстве их функционального использования в западной политике;
4. Институционализация русофобии и сербофобии в международной практике происходила через закрепление антироссийских и антисербских

стереотипов в политической риторике, медиадискурсе, дипломатии и образовательных системах западных стран;

5. Россия и Сербия обладают значительным потенциалом для формирования развития гуманитарного и внешнеполитического взаимодействия для противодействия русофобии и сербофобии, включая развитие инструментов культурной дипломатии, совместных образовательных инициатив, медиаинструментов и правозащитной деятельности на международной арене;

6. Сравнительное исследование русофобии и сербофобии позволило выделить новую типологию форм идеологического давления:

- делегитимационное давление — подрыв международного авторитета через интерпретацию политики как «агрессивной» или «несоответствующей нормам»;

- изоляционное давление — исключение из коллективных форматов и экспертных сообществ;

- моралистическое давление — избирательное апеллирование к универсальным ценностям, создающее эффект «двойных стандартов».

Данная типология не только позволила точнее описать механизмы дискриминации государств, но и может способствовать формированию основ для разработки стратегических мер противодействия.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке целостной концепции русофобии и сербофобии как инструментов геополитического противостояния, а также в предложении новой сравнительной рамки анализа этих явлений. Работа расширяет научный аппарат по изучению политически мотивированной ксенофобии и информационного давления, развивая теоретические подходы к пониманию формирования враждебных международных нарративов и их воздействия на внешнеполитическую стратегию государств.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его результатов в сфере международных отношений и государственной политики. Полученные выводы и рекомендации могут быть использованы при формировании внешнеполитического курса Российской Федерации и Республики Сербия, особенно в области гуманитарного сотрудничества и информационного противодействия дискриминационным практикам. Материалы исследования могут лечь в основу образовательных программ по международным отношениям, истории дипломатии, медиаполитике и культурной дипломатии. В условиях обострения внешнеполитической конфронтации и массированного информационного давления данная работа приобретает особую актуальность для формирования стратегии защиты национальной идентичности и внешнего имиджа обоих государств.

Апробация исследования. Основные положения диссертации апробированы автором в ходе участия в международных и научно-практических конференциях, а также в ходе представления научных результатов и обсуждения на профильных кафедрах отечественных вузов с участием историков, военных и экспертов иных специальностей.

Результаты исследования изложены автором на русском языке в 5 публикациях, общим объемом 13,6 п. л., из которых 4 статьи в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура и содержание работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, завершаемых выводами, обобщающими изложенный в них материал, девяти параграфов (по три параграфа в каждой главе), заключения, списка источников и литературы.

II. Основное содержание работы

Введение включает обоснование актуальности диссертационного исследования, представлена степень изученности тематики работы, определяется научная задача исследования, объект, предмет, цель и исследовательские задачи, новизна, обосновываются хронологические рамки исследования, дается общая характеристика источников и литературы, используемых при подготовке и написании рукописи, представлена теоретическая и практическая значимость полученных результатов, методология и методы исследования, положения, выносимые на защиту, апробация и опубликование полученных результатов.

Первая глава «Теоретико-методологические основы исследования русофобии и сербофобии как внешнеполитических вызовов» посвящена определению понятийного аппарата и формированию теоретической базы исследования. В ней рассмотрены ключевые подходы к пониманию феноменов русофобии и сербофобии в международных отношениях, их историческая эволюция и основные формы проявления — от культурно-цивилизационных и этнополитических до идеологически-конструируемых. Автором проведён анализ научной литературы и дискурсивных источников, раскрывающий, как данные фобии трансформировались из спонтанных предубеждений в осознанные инструменты идеологического давления и «мягкой силы». Особое внимание уделено классификации русофобии и сербофобии по их геополитическому, цивилизационному и медийному измерениям, а также определению их места в современной системе международных отношений.

В первом параграфе первой главы проанализированы теоретико-концептуальные основы исследования феноменов русофобии и сербофобии как форм идеологического и информационного противостояния в международных отношениях. На основе анализа отечественной и зарубежной литературы выделены

основные подходы к осмыслению данных явлений в междисциплинарном контексте — историческом, политологическом, культурологическом и имагологическом. Автор показал, что русофобия и сербофобия, зародившиеся как формы цивилизационного противопоставления восточного и западного миров, со временем трансформировались в устойчивые идеологические конструкции, оказывающие прямое влияние на внешнеполитическую практику государств.

Особое внимание уделено выявлению взаимосвязи между историческими представлениями, общественными стереотипами и официальными политическими установками, что позволило рассматривать данные фобии как многоуровневые явления — от культурно-психологического восприятия до инструментов внешнеполитического давления. В параграфе проведено разграничение между критикой государственной политики и идеологически мотивированной ксенофобией, показано, как эти категории переплетаются в современном международном дискурсе.

Автор обосновал, что русофобия и сербофобия выступают не спонтанными проявлениями предвзятости, а сознательно формируемыми элементами информационно-политической стратегии, направленной на делегитимацию России и Сербии в международной среде. На основании анализа исторических источников, дипломатических документов, медиаматериалов и академических публикаций сформулирован вывод о том, что данные явления выполняют функцию легитимации внешнего вмешательства и создают идеологическую основу для санкционной и изоляционной политики.

Во втором параграфе первой главы рассмотрены особенности формирования и функционирования этих феноменов в системе современных международных отношений. Показано, что русофобия и сербофобия, как сознательно конструируемые идеологические инструменты, направлены на дискредитацию России и Сербии в мировом сообществе. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований, официальных документов, медийных источников и примеров политической практики автор обосновал, что данные фобии выполняют функции информационного и психологического давления, легитимируя внешнеполитические решения, санкционные меры и военные интервенции.

Особое внимание уделено исследованию механизмов «мягкой силы» — деятельности международных СМИ, неправительственных организаций и культурных инициатив, которые формируют устойчивые негативные нарративы о России и Сербии. Показано, что подобные нарративы строятся вокруг трёх ключевых образов — «угрозы», «авторитаризма» и «варварства», — что позволяет западным политическим и медийным структурам оправдывать ограничительные меры и идеологическое давление под прикрытием защиты демократических

ценностей. На примере политики НАТО, ЕС и ряда международных институтов раскрыто, как русофобские и сербофобские установки институционализируются и становятся частью официального внешнеполитического дискурса.

В результате проведённого анализа автор пришел к выводу, что русофобия и сербофобия в современной международной среде превратились в системные идеологические конструкции, действующие через каналы «мягкой силы» и формирующие образ России и Сербии как внешних угроз. Эти конструкции служат не только инструментом информационной войны, но и фактором долгосрочного влияния на политические решения и общественное восприятие, что делает их важным объектом историко-политического исследования.

Третий параграф первой главы посвящён анализу историографии и подходов к исследованию внешнеполитического противостояния ксенофобским дискурсам. В нём рассмотрено развитие отечественной и зарубежной научной мысли о феноменах русофобии и сербофобии, их восприятие в различные исторические периоды и концептуальные различия в трактовке данных явлений. Отмечено, что в российской науке русофобия и сербофобия исследуются как формы идеологического и геополитического давления, укоренённые в многовековой системе отношений между Западом и Востоком. Подчёркнут вклад отечественных учёных – от Ф. И. Тютчева и И. Р. Шафаревича до современных исследователей (О. Б. Неменский, П. И. Пашковский, Т. В. Каширина и др.), которые заложили основу для комплексного изучения этих феноменов как инструментов информационно-психологического воздействия.

Показано, что в западной историографии понятия «русофобия» и «сербофобия» долгое время не имели научного статуса, оставаясь имплицитно присутствующими в концепциях «угрозы с Востока» и образе «авторитарной России». Лишь с конца XX века в зарубежных исследованиях наметился интерес к самим механизмам формирования негативного образа России и Сербии, что привело к постепенному признанию существования идеологически мотивированной предвзятости в отношении этих стран. Внимание уделено трудам западных авторов, предпринявших попытку деконструкции антироссийских и антисербских стереотипов, – от Д. Фоглсонга и А. Цыганкова до Г. Меттана и С. Козна.

В параграфе выявлены характерные особенности современной историографии: в российской науке преобладает подход, рассматривающий русофобию и сербофобию как системные идеологемы, а в западной – тенденция объяснять их рациональными причинами, связанными с политикой Москвы и Белграда. Автор подчёркивает существование историографических лакун: отсутствие единой терминологии, недостаточная разработанность сравнительных исследований и прикладных аспектов противодействия этим явлениям. Сделан

вывод о том, что дальнейшее развитие темы требует интеграции политологических, культурологических и исторических подходов, позволяющих рассматривать русофобию и сербофобию как взаимосвязанные дискурсы, оказывающие устойчивое влияние на международные отношения и внешнеполитическую практику.

Вторая глава диссертации «Русофобия и сербофобия как вызов внешней политике России и Сербии (1991–2022)» посвящена анализу проявлений русофобии и сербофобии как факторов, оказывавших определяющее влияние на внешнеполитические стратегии России и Сербии в 1991–2022 гг. На примере российской внешней политики показано, что рост антироссийских настроений и расширение НАТО стали ключевыми стимулами формирования доктрины многополярности, утверждения принципов суверенитета и защиты соотечественников за рубежом. В рамках сербского направления рассмотрено, как сербофобская риторика, усилившаяся в ходе распада Югославии и косовского кризиса, использовалась для легитимации военных и санкционных действий против Белграда. Особое внимание уделено трансформации внешнеполитических приоритетов Сербии после 2000 года и её поиску баланса между европейской интеграцией и сохранением стратегического партнёрства с Россией.

Проведённый анализ позволил заключить, что русофобия и сербофобия в указанный период превратились в устойчивые идеологические конструкции, воздействующие не только на политическую риторику, но и на конкретные внешнеполитические решения. Россия и Сербия, сталкиваясь с внешним давлением и дискриминационными нарративами, выработали сходные стратегии – опору на историческую идентичность, укрепление национального суверенитета и использование инструментов «мягкой силы» для защиты своих интересов на международной арене.

В первом параграфе второй главы рассмотрено влияние русофобии на формирование внешнеполитической доктрины Российской Федерации в 1991–2014 гг. Показано, что процесс трансформации российской внешней политики во многом определялся реакцией на нарастающее недоверие и предвзятое отношение со стороны западных стран после распада СССР. Автор проследил эволюцию восприятия Запада российским руководством — от надежд на интеграцию и стратегическое партнёрство в 1990-е годы к осознанию системного характера антироссийских установок, проявившихся в расширении НАТО, военных кампаниях в Югославии, критике российской внутренней политики и «цветных революциях» на постсоветском пространстве.

Особое внимание уделено анализу Концепций внешней политики Российской Федерации 2000, 2008 и 2013 годов, в которых последовательно отражалась смена парадигмы — от ориентации на сотрудничество с Западом к

утверждению многополярности, защите суверенитета и национальных интересов. Русофобия, изначально воспринимавшаяся как риторический фон, стала рассматриваться как структурный вызов, требующий системного ответа. Это привело к формированию новых стратегических приоритетов — укреплению обороноспособности, развитию собственных интеграционных объединений и продвижению идеологии «Русского мира» как основы культурно-ценностной самостоятельности России.

Сформулирован вывод, что русофобия стала одним из ключевых факторов консолидации внешнеполитического курса России, способствовав его переходу от реактивного к проактивному типу. Она выступила катализатором становления российской внешней политики как самостоятельной и идеологически оформленной системы, ориентированной на защиту национальной идентичности и суверенитета в условиях кризиса доверия между Россией и Западом.

Во втором параграфе второй главы рассмотрена внешнеполитическая стратегия Сербии в условиях усиления сербофобии в международных отношениях в 1991–2014 гг. Показано, что в этот период сербофобия приобрела системный характер, превратившись из идеологического предубеждения в инструмент политической изоляции и моральной делегитимации Белграда. Проанализированы ключевые этапы: распад Югославии, боснийский и косовский кризисы, интервенция НАТО 1999 года, а также международные последствия одностороннего провозглашения независимости Косово. Отмечено, что негативный образ Сербии, активно конструируемый западными политическими и медийными структурами, использовался для оправдания санкций, интервенций и политического давления.

Автором описаны особенности дипломатического противодействия Белграда: участие в работе международных организаций, апелляции к принципам международного права, сотрудничество с Россией и странами глобального Юга, а также активное продвижение альтернативных нарративов в экспертной и культурной среде. Показано, что борьба за непризнание Косово стала центральным направлением сербской дипломатии, включающим использование юридических, информационных и символических инструментов.

Сделан вывод, что в условиях идеологического и репутационного давления Сербия выработала многовекторную стратегию внешнеполитической адаптации, основанную на сочетании прагматизма и сохранения национальных интересов. Эта стратегия позволила Белграду восстановить часть международной субъектности, укрепить связи с традиционными и новыми партнёрами, а также постепенно сместить международное восприятие с образа «государства-агрессора» к образу ответственного и конструктивного участника глобальной политики.

В третьем параграфе второй главы проведён сравнительный анализ внешнеполитических подходов России и Сербии к противодействию ксенофобским установкам в международной среде. Показано, что обе страны, несмотря на различия в масштабах, ресурсах и международном статусе, выработали схожие принципы антиксенофобской политики, основанные на защите исторической правды, культурной идентичности и суверенного равноправия государств. Для России противодействие русофобии оформилось в стратегическую линию, закреплённую в доктринальных документах, дипломатической практике и гуманитарных инициативах — от ежегодных антиревизионистских резолюций в ООН до деятельности Россотрудничества и международных медиа. Сербия, действуя в условиях ограниченных возможностей, реализует политику «гуманитарного нейтралитета», опираясь на международное право, движение неприсоединения и культурно-образовательные инструменты, направленные на формирование позитивного имиджа страны.

Автор отметил, что общим для обеих стран является использование гуманитарной дипломатии, апелляции к исторической памяти и участие в международных форумах для продвижения антиксенофобской повестки. Различия заключаются в степени институционализации этих усилий: Россия опирается на глобальные коалиции и собственную информационную инфраструктуру, тогда как Сербия предпочитает баланс между сотрудничеством с Россией и взаимодействием с Европейским союзом.

Сделан вывод, что русофобия и сербофобия представляют собой взаимосвязанные формы идеологического давления, оказывающие влияние на внешнеполитические стратегии обеих стран. Россия и Сербия, несмотря на разный международный вес, используют схожие подходы к их нейтрализации — через дипломатические инициативы, культурное сотрудничество и гуманитарные проекты, направленные на защиту исторической памяти и противодействие дискриминации.

Третья глава диссертации «Стратегии и механизмы внешнеполитического противостояния русофобии и сербофобии (1991–2022)» посвящена исследованию стратегий и механизмов внешнеполитического противодействия русофобии и сербофобии в 1991–2022 гг. В центре анализа — инструменты политико-информационной, гуманитарной и дипломатической деятельности России и Сербии, направленные на защиту национального суверенитета, исторической памяти и культурной идентичности в условиях идеологического давления. На примере России показано формирование комплексной системы мер, сочетающей официальную дипломатию, медийную активность, культурно-языковые инициативы и работу с соотечественниками за рубежом. Проанализирована сербская модель «дипломатии нейтралитета» и

политика информационного самоутверждения, основанные на принципах правовой защиты, культурной дипломатии и мобилизации диаспоры как инструмента мягкой силы.

Особое внимание уделено российско-сербскому взаимодействию в сфере гуманитарной политики и координации дипломатических усилий против дискриминации и двойных стандартов. Показано, что союз двух стран опирается не на формальные военные альянсы, а на духовно-культурное родство и общую идеологическую установку на защиту традиционных ценностей и принципов равноправия государств. Анализ деятельности Российско-сербского гуманитарного центра, совместных мемориальных инициатив и согласованных действий на площадках ООН и ЮНЕСКО подтверждает рост значимости «мягкой силы» как инструмента сопротивления идеологическому давлению. Сделан вывод, что российско-сербская модель сотрудничества демонстрирует пример адаптивного противодействия ксенофобии средствами дипломатии, культуры и международного права, способствуя укреплению их международной субъектности в условиях глобальной турбулентности.

В первом параграфе третьей главы рассмотрены политико-информационные и дипломатические инструменты Российской Федерации, направленные на противодействие русофобии в международной среде. Показано, что с начала 2000-х годов и особенно после кризиса 2014 года Россия выработала комплексную стратегию, сочетающую механизмы «жёсткой» и «мягкой силы». К ключевым направлениям относятся развитие международных медиаплатформ RT и «Sputnik» как инструментов контрнарратива, активизация культурно-гуманитарной дипломатии через «Русский мир» и Россотрудничество, а также защита прав соотечественников за рубежом. Особое внимание уделено деятельности России на площадках ООН, ОБСЕ и ЮНЕСКО, где русофобия обозначается как форма идеологической дискриминации, противоречащая принципам международного права.

Автор показывает, что стратегия противодействия русофобии строится на сочетании официальной дипломатии, гуманитарных инициатив и информационного присутствия за рубежом. В то же время подчёркиваются ограничения российского влияния в странах Запада, где усиливается стигматизация российских медиа и культурных центров. При этом в государствах Азии, Африки и Латинской Америки Россия добивается более устойчивых результатов, укрепляя репутацию независимого центра силы и защитника многополярного мира. Сделан вывод, что в указанный период русофобия перестала восприниматься как внешняя риторическая угроза и стала осознаться как системный вызов национальной безопасности, требующий комплексного дипломатического и информационного ответа.

Во втором параграфе третьей главы рассмотрена эволюция внешнеполитической стратегии Сербии в условиях сербофобского давления в 1991–2022 гг., а также формирование модели дипломатии нейтралитета, информационного самоутверждения и взаимодействия с диаспорой. Показано, что сербофобия в постбиполярный период приобрела институциональный характер, превратившись в устойчивый инструмент политико-информационного воздействия, направленного на делегитимацию Сербии и подрыв её международной субъектности. В ответ Белград выработал комплексную внешнеполитическую стратегию, сочетающую правовые, гуманитарные и культурные механизмы защиты своих интересов.

Особое внимание уделено анализу концепции «позитивного нейтралитета», которая стала ядром сербской дипломатии и позволяет сочетать приверженность европейскому курсу с сохранением стратегического партнёрства с Россией, Китаем и странами Движения неприсоединения. В этом контексте Сербия использует площадки ООН, ОБСЕ и ЮНЕСКО для продвижения собственных правовых позиций по косовскому вопросу, защиты культурного наследия и противодействия политизации международных институтов. Отмечено, что нейтралитет в сербской внешней политике выступает не как форма самоизоляции, а как гибкий инструмент сохранения манёвренности и автономии в условиях глобальной турбулентности.

Значительное место в параграфе занимает анализ политики «народной дипломатии» — системной работы с сербской диаспорой и культурно-гуманитарными структурами за рубежом. Автор показал, что диаспора становится важным каналом внешнеполитического влияния, формирующим позитивный имидж страны и способствующим продвижению её интересов в западном медиапространстве. Работа с диаспорой и религиозными организациями, развитие культурных центров и образовательных инициатив превращаются в инструменты «мягкой силы», направленные на преодоление негативных стереотипов и укрепление идентичности.

Сделан вывод, что современная внешняя политика Сербии представляет собой пример адаптивной модели «гибкого сопротивления» — стратегии, основанной на сочетании дипломатического прагматизма, правовой аргументации и культурного самоутверждения. Такая модель позволяет стране сохранять субъектность, минимизировать внешнее давление и демонстрировать способность к конструктивной роли в региональной и глобальной политике, несмотря на ограниченные ресурсы и неблагоприятный международный фон.

В третьем параграфе третьей главы проанализированы особенности российско-сербского взаимодействия в противодействии дискриминации и двойным стандартам в международных отношениях. Показано, что партнерство двух стран основано не на военно-политических союзах, а на ценностно-

гуманитарной солидарности, выражающейся в координации дипломатических позиций, совместных гуманитарных инициативах и культурно-мемориальных проектах. Россия и Сербия выработали общую линию по ключевым вопросам международного права, включая непризнание независимости Косово, защиту исторической правды о Второй мировой войне и противодействие героизации нацизма. Важным примером служит использование Россией права вето в Совете Безопасности ООН в 2015 году, предотвратившее принятие антисербской резолюции по Сребренице, что символизировало высокий уровень взаимной поддержки и доверия между Москвой и Белградом.

Значительное внимание уделено гуманитарному сотрудничеству, в частности деятельности Российско-сербского гуманитарного центра в Нише, ставшего примером эффективного межгосударственного взаимодействия в сфере ликвидации чрезвычайных ситуаций, подготовки специалистов и оказания помощи пострадавшим регионам. Рассмотрены примеры совместных действий в борьбе с пандемией COVID-19 и реализации программ образовательного обмена, укрепляющих связи между обществами двух стран. Отмечено, что гуманитарное измерение дополняется экономическим и энергетическим сотрудничеством, включающим поставки газа, инвестиции в энергетическую отрасль, развитие транспортной инфраструктуры и участие Сербии в зоне свободной торговли с ЕАЭС.

Особое место занимает культурно-историческое взаимодействие — от мемориальной политики до религиозных и культурных проектов. Совместное увековечение памяти о Второй мировой войне, восстановление мемориалов и оформление убранства храма Святого Саввы в Белграде превратились в символ российско-сербского братства и духовного единства. Эти инициативы укрепляют образ двух стран как союзников, выступающих за сохранение исторической правды и против идеологической дискриминации.

Автор сделал вывод, что российско-сербское взаимодействие представляет собой уникальную модель союзничества, основанную на гуманитарных, культурных и ценностных основаниях. В условиях усиливающегося внешнего давления оно служит инструментом укрепления международной субъектности обеих стран и примером альтернативного формата международного сотрудничества, опирающегося на принципы равенства, взаимного уважения и права на собственную историческую интерпретацию.

Заключение. В диссертационном исследовании осуществлён комплексный анализ феноменов русофобии и сербофобии как идеологизированных форм внешнеполитической враждебности, проявляющихся в системе международных отношений. Показано, что данные феномены не сводятся к бытовым проявлениям ксенофобии, а представляют собой системно выстроенные идеологические конструкции, функционирующие в качестве инструментов политического

воздействия, направленного на делегитимацию и символическую изоляцию России и Сербии в мировой политике.

Теоретической основой исследования стали междисциплинарные подходы, разработанные в рамках исторической имагологии, политической антропологии, теории международных отношений и культурной дипломатии. Их синтез позволил выявить структурные и функциональные параметры формирования образов России и Сербии в западной цивилизационной парадигме и проследить механизмы их трансформации от раннего модерна до начала XXI века.

Историко-аналитический метод дал возможность установить преемственность стереотипов, лежащих в основании русофобского и сербофобского дискурсов. Уже в XIX веке православно-славянский мир интерпретировался как «другая Европа» — носитель политической архаики, автократии и культурного отставания. В дальнейшем эти образы были переосмыслены в рамках либерального интернационализма XX века и легли в основу новых форм нормативного исключения, при котором Россия и Сербия стали восприниматься не как равноправные участники международного диалога, а как объекты «просветительской миссии» Запада.

В ходе исследования установлено, что в постбиполярный период русофобия и сербофобия приобрели институциональные формы: закрепились в риторике международных организаций, образовательной и правозащитной практике, медийных и академических нарративах. Данные идеологемы выполняют функцию легитимации внешнеполитического давления, санкций и военных интервенций, оправдывая асимметрию в международных отношениях. Их устойчивость обеспечивается монополией западных акторов на интерпретацию исторических событий и на формирование «нормативной картины мира».

Особое внимание уделено сравнению механизмов русофобии и сербофобии. Анализ показал наличие общих дискурсивных стратегий — обвинений в «имперском реваншизме», «недемократичности», «угрозе региональной стабильности» и «нарушениях прав человека». Эти клише образуют универсальный идеологический шаблон, встраиваемый в глобальную систему информационного воздействия. В отношении Сербии он был окончательно сформирован в период с 1991 по 1999 гг. на фоне балканских конфликтов, а в отношении России — после 2014 года с началом украинского кризиса. В обоих случаях идеологическая конструкция «агрессора» стала оправданием санкционных и военных мер, а также средством мобилизации общественного мнения на Западе.

В результате проведённого анализа разработана типология форм идеологического давления, применимых к международной практике:

1. Делегитимационное давление — системное представление государства как угрозы мировому порядку, основанное на моральной стигматизации и избирательной оценке его действий.
2. Изоляционное давление — исключение из многосторонних форматов принятия

решений, экспертных и культурных площадок, формирующее эффект институциональной невидимости.

3. Моралистическое давление — риторика «гуманитарной ответственности», применяемая выборочно, в зависимости от геополитической принадлежности субъекта.

Данная типология раскрывает механизм структурной дискриминации, при котором дискредитирующий нарратив становится инструментом внешнеполитического управления и символического контроля.

Исследование показало, что реакция России и Сербии на подобные формы давления проходила несколько этапов. В конце XX века обе страны оказались в положении оправдывающегося субъекта, стремящегося объяснить свою позицию через ссылки на международное право и историческую справедливость. Однако уже в начале XXI века произошло осознание необходимости системного гуманитарного ответа, основанного на институциональном строительстве и развитии инструментов культурной и информационной дипломатии.

Россия сформировала многоуровневую систему гуманитарного присутствия, включающую международные СМИ, исследовательские центры, образовательные программы и общественные форумы. Сербия, несмотря на ограниченные ресурсы, укрепила свои позиции через правовую аргументацию, защиту исторической памяти и работу с международными гуманитарными организациями. Эти процессы позволили обеим странам перейти от оборонительной к проактивной внешнеполитической позиции — от «объяснения» к «утверждению».

Важное внимание в исследовании уделено формированию российско-сербской гуманитарной солидарности. Общность исторических судеб, культурных традиций и религиозной идентичности создала прочную основу для координации усилий в противодействии дискриминационным нарративам. Эта солидарность проявилась не только в дипломатических инициативах, но и в мемориальной политике, в совместных образовательных и культурных проектах, в координации гуманитарных форумов и научных конференций.

Выявлено, что сотрудничество России и Сербии в гуманитарной сфере выполняет двойную функцию: с одной стороны, служит инструментом взаимной поддержки в условиях символического давления, с другой — становится площадкой для выработки новой парадигмы международного взаимодействия, основанной на равноправии культур и уважении исторического опыта. Таким образом, гуманитарное партнёрство двух стран можно рассматривать как прообраз альтернативной модели международного порядка, противопоставляемой практике нормативных исключений и идеологической иерархии.

Практическое значение исследования заключается в возможности применения полученных выводов при формировании стратегий гуманитарного и внешнеполитического реагирования. В частности, обоснована необходимость: — разработки долгосрочной концепции гуманитарного суверенитета,

предполагающей поддержку академических, культурных и просветительских инициатив;

- формирования системы мониторинга русофобских и сербофобских проявлений в международном медийном и экспертном пространстве;
- укрепления сети международных гуманитарных контактов, способствующих продвижению альтернативных научных и культурных нарративов;
- институционализации российско-сербского сотрудничества в области культурной дипломатии и исторического просвещения.

Главный теоретический вывод диссертационного исследования состоит в том, что русофобия и сербофобия представляют собой формы структурного насилия в международных отношениях, направленные на подрыв легитимности и суверенитета государств посредством контроля над интерпретацией их идентичности. Противодействие этим явлениям требует системного подхода, включающего не только политико-информационные меры, но и глубокую гуманитарную рефлексию, способную вернуть многообразие исторических опытов в международный дискурс.

Исторический опыт России и Сербии свидетельствует о том, что устойчивость государства в современном мире определяется не только военной или экономической мощью, но и способностью к защите собственной исторической правды и культурной идентичности. Формирование автономного гуманитарного пространства, где звучит собственный голос истории, становится ключевым условием сохранения международной субъектности.

Таким образом, проведённое исследование позволило выработать концептуальную модель осмысления русофобии и сербофобии как феноменов идеологического давления и предложить пути их преодоления через расширение гуманитарного сотрудничества, развитие академических и культурных инициатив, укрепление нарративного суверенитета. Отстаивание исторической правды и справедливой оценки событий — не риторический жест, а условие равноправного участия в международной системе, где русофобия и сербофобия выступают факторами нормативного исключения. Такая позиция требует прочной концептуальной базы и институциональной опоры: устойчивой поддержки образовательных, исследовательских и просветительских инициатив, нацеленных на верификацию фактов и раскрытие механизмов манипулятивных интерпретаций. В практическом измерении это означает наращивание экспертного присутствия в глобальных гуманитарных сетях, развитие совместных академических проектов и подготовку концептуальных трудов, предлагающих альтернативные и эмпирически обоснованные объяснительные модели. Лишь так возможно не только нейтрализовать предвзятость, но и утвердить рамку, в которой справедливость исторического суждения и достоверность источникового анализа становятся нормой международного общения.

III. Научные публикации по теме исследования

Основные положения диссертационного исследования и полученные научные результаты отражены автором в публикациях общим объемом 7,2 п. л. Из них 4 научных статей в журналах, включенных в перечень рецензируемых изданий ВАК.

Статьи в журналах, которые включены в перечень рецензируемых научных журналов Высшей аттестационной комиссии

1. Кобельков Р.А., «Многовекторность внешней политики Сербии: содержание, значение, перспективы» // «Дипломатическая служба» №6, 2022. С. 449-458 (1,6 п.л.);
2. Кобельков Р.А., «Культурно-исторические аспекты притеснения православия в Европе: русофобия, сербофобия и национализм» // «Евразийский Союз: вопросы международных отношений» №4(14), 2025. С. 942-949 (1.28 п.л.);
3. Кобельков Р.А., «Методы институционализации русофобии и сербофобии в странах НАТО: анализ внешнеполитического и информационного контекста (1991-2022 гг.)» // «Евразийский Союз: вопросы международных отношений» №6(14), 2025. С. 1563-1574 (1.92 п.л.);
4. Кобельков Р.А., «Роль взаимопомощи народов России и Сербии в развитии отношений двух государств: исторический и современный аспекты» // «Вопросы политологии» № 5(15), 2025. С. 1806-1814 (1,44 п.л.);

Прочие публикации по теме диссертационного исследования

5. Кобельков Р. А. Отношения России и Сербии в контексте антироссийских санкций // Дипломатическая академия МИД России: сборник научных трудов / под ред. Т. В. Кашириной, С. А. Агуреева, Н. В. Вильской, О. Н. Петюковой. М., 2020. С. 282–287 (0,96).